

нищим, почему вы стыдитесь русского имени, которое может назвать свои подвиги, свои славы? Почему вы отделяете себя от униженной России, когда вы кость от костей ее и плоть от плоти ее? Почему в вас самих бездна добродетели и ни одного порока? Вы звоните во все колокола о своих добродетелях и даже колокольчиком не позвонили о вашем национальном чувстве. Не надо его? Оно само собой разумеется?

Вы желаете освободить народ от правительства, потому что оно бессильно и бестолково. Прекрасно. Но вы ничем еще не доказали, что вы сильны и толковиты. Вы молчите, когда католический епископ, барон Роопп, обижает старообрядцев, этих крепких русских, не продававших своей веры ни за какие деньги, не продававших своего отечества и русского имени даже за границей, куда их безжалостно гнали, и которых проклинали на соборах. Вы не смеете сказать горькой правды об евреях и русском народе, сказать мягко, либерально, на общечеловеческом гуманном языке, ибо объяснить вражду двух народов не значит возбуждать эту вражду, а значит открыть путь к устранению причин этой вражды, значит идти на примирение. Ни одной речи, которая бы до этого возвысилась, которая бы дышала доводами разума и красноречием души. Провокация, провокация, провокация! Ничего, кроме провокации. Устранить провокацию, и все будет превосходно.

Черт возьми, какие умные люди и великие таланты. Недаром «весь земной шар» прославил провозвестника провокации. Но если б привести сюда нильского крокодила и рассказать ему, что погромы усадеб производятся без революционной провокации, а еврейские погромы происходят только от провокации, он прыснул бы со смеху и в благодарность за веселость не съел бы ни одного депутата.

На Великоросса идут с оружием и дреколием

Хочется сказать: с новым годом, с новым счастьем, непременно с новым. Но эту фразу даже трудно написать, потому

что верить в новое счастье стало почти то же, что верить в новое несчастье. Неужели в самом деле с новым годом, с новым несчастьем? Неужели и в этом году мы все будем журавлей в небе ловить, воображая, что мы такие богатыри, что для нас закон не писан? Прямо к ногам, в чертоги социал-демократии, к трехчасовой работе и всеобщему счастью. «Большевики» это обещают непременно и злятся на кадетов за то, что они остановились на промежуточной станции, на которой правительство будет кадетское и счастье только кадетское, а не большевистское. Октябристы со своей стороны обещают свое умеренное счастье, если Россия выберет благоразумную и работающую Думу. Союз Русского Народа приглашает не верить никому и отрицает все революционные, радикальные и либеральные партии, и все надежды полагает на себя. А я думаю так, что все надежды надо полагать на труд, будем работать, будет и то, что называется счастьем, будем работать, будет и то, что называется самоуправлением, политической свободой, конституцией. Мне кажется, что отрезвление несомненно существует сравнительно с тем, что было еще недавно. Усилия правительства на пути реформ сделали свое дело. Отрезвление несомненно идет вперед и будет идти, хотя, конечно, с той постепенностью, которой мы так не любим, но которая налагается на нас самой нашей природой. Целые века нашей исторической жизни это доказывают с точностью почти математической. Никаких чудес не было никогда у нас и не будет, и ни одна партия не может обещать какие-нибудь чудеса, и меньше всего самые крайние. Где уж нам чудотворцев искать, когда у нас столько чудодеев и разбойников революции! Подождем естественного течения событий, которые будут зависеть от нашей сплоченности и трезвости мысли. И меньше всего веры этим жалким пигмеям, не написавшим даже ни одного теоретического сочинения о социализме, о социал-демократии, не написавшим ни одной фантазии в роде Моруса, Фурье или даже романической талантливой болтовни в роде Уэльса, которая бы стала известной миру, как известны миру «Крейцера соната», «Бесы», «Анна Каренина», «Преступление и наказание». Эти тысячи

немецких брошюр, распространяемых радикальными и революционными кружками, в плохих, безграмотных переводах, напечатанных на бумаге, сделанной из лошадиного помета (такая бумага существует), доказывают только жалкое невежество и беспросветную бездарность этих нахалов в публицистике и развращении невежественного населения. На родине социализма, в Германии, целый ряд имен ученых экономистов, исследователей, философских умов, историков, оригинальных мыслителей. У нас их совсем нет, а если есть какие, то это просто фельетонисты и копиисты с немецкого.

Конечно, у нас была цензура, были всевозможные стеснения мысли. Но вот год свободы такой, что даже сочинения анархистов в переводах с иностранных языков свободно печатаются и продаются, но и в этот год русская революция и русский социализм не дали решительно ничего самостоятельно, кроме газетных статей, пылающих бешенством и бранью. Русский либерализм не был бесплоден и во времена цензуры, таланты вроде Добролюбова и Чернышевского умели и во время цензуры давать статьи и сочинения радикального и социалистического характера, доселе не превзойденные никем из корифеев нашей писательской революции, которые в течение многих лет могли свободно писать за границей и там ничего не произвели, кроме прокламаций и газетных листков, из которых ни один не напоминал «Колокола» Герцена. Сочинения романиста Герцена, романиста Л. Н. Толстого, современника Чернышевского, Добролюбова и Писарева, по вопросам социальным, остаются и доселе выдающимися среди всей этой груды фельетонов русских революционных писателей, которая накопилась в течение последних 30–40 лет.

Гиганты приготовили французскую революцию, ряд всемирных писателей, имена которых обязательно помнить каждому гимназисту, ибо эти имена популярны, как слова: «свобода», «жизнь», «правда». Целая плеяда философов, ученых и экономистов образовала немецкое общество и развили его до понимания истории, права, социальных отношений. Об Англии уж и говорить нечего.

А у нас? Фельетонисты и никого больше. Нищенская бедность оригинальной мысли, дарований и знаний и рядом с этим несоразмерные претензии. Только и оригинального, что убийства и празднование. Как можно больше праздников и убийств! Начиная с правительства и кончая последним рабочим, только и заботы, чтобы праздновать. Даже почту и телеграфы правительство закрывает в некоторые дни, но никак не сможет закрыть убийств. Старается, старается, а все ничего не выходит. Ни в одной стране нет столько праздников, как у нас, и ни в одной стране никогда не бывало столько убийств, как у нас.

Это замечательное отношение между праздниками и убийствами, но, к сожалению, не новое.

В обыкновенные годы, до революции, в России совершалось ежегодно тысяч 5–6 убийств ежедневно. Если определить дни, в какие убийства происходили, то несомненно, что большая часть их придется на праздники. Отдыхали благочестиво, напивались винища, дрались и убивали в «пьяном восторге». Теперь убивают в «политическом восторге», который прибавлен к пьяному. Таким образом, теперь два восторга вместо одного и друг друга они перегоняют.

И этот политический восторг, конечно, значительно обязан своим происхождением именно фельетонистам революции, воспринявшим налегке популярные иностранные сочинения и старающимся вдолбить в невежественные головы, что нет лучше средства для насаждения в Российской империи социального прогресса, как убийство и грабежи, предпринимаемые для умножения и совершенствования убийств.

И правительство фельетонное, и образование фельетонное, и наука фельетонная, и революция фельетонная, приправленная убийствами, как кровавым соусом. Ученье и книга совсем заброшены. Молодежь поджаривает революцию, воображая, что дворец свободы может быть построен без архитекторов и даже без каменщиков, а просто революционной болтовней. Для нее и телеграфы, и телефоны, и газеты, эти граммофоны человеческой праздности и бестолочи. Чем больше болтовни и чем меньше работы, тем лучше. Говорят: востор-

мичасовой день! Да если б действительно молодежь работала восемь часов ежедневно, то при русской даровитости вышло бы чудесное поколение, которое удивило бы мир. В русскую даровитость нельзя не верить. Но лень, беспутство, болтовня, распушенность, отсутствие всякой дисциплины труда и воли делают не одну молодежь рабом увлечений и страстным разрушителем государственного и своего собственного физического и нравственного организма. Невежественная и нищая страна становится поприщем какого-то развала, в котором погибают дарования и лучшие силы уходят, не созрев для производительной работы.

Когда же это кончится? Когда возвратится сознание к русскому, что настала пора упорной умственной и физической работы, что без этого Русь погибнет и распадется?

Да неужели погибнет?

Вы, конечно, видите, что на Великоросса идут с оружием и дреколием. На него именно идет эта революция. Его именно она хочет поглотить, обессилить и обезволить. Со всех окраин идут крики, что Великоросс ничтожен, что он должен уступить и подчиниться, что его век прошел, его вековые работы уничтожены, его главенство должно разлететься прахом. Окраины поднимают оружие против него и грозят. Он, создавший империю, должен спокойно выслушивать проклятия и угрозы и нести на своем горбу всю эту свалку. Твердый, мужественный, даровитый, государственный, Великоросс считается уже какой-то неважной величиной. С севера кричит финн, желающий образовать финское государство, захватить север России. А я думал, что можно взять у него Выборгскую губернию. Какое право имел Александр I отдавать то, что завоевано было Петром Великим? Поляк кричит о Польше от моря и до моря в то время, когда разбойники революции уничтожают его промышленность к радости немецких фабрикантов и рабочих. Великороссу говорят, что он и не русский. Погодите, господа. Не разом. Орите, пожалуй. Мы это слышали. Но уничтожить корень русского племени, подчиниться без горячего боя этим наглым крикам, этой разинутой пасти окраин, этого не бу-

дет. Великороссия встанет. Она покажет еще независимость и бодрость своей души и заставит уважать себя, как государственную, великую, даровитую силу, и сплотит нас снова, не уступив ни пяди того, что она приобрела своею кровью, своим вековым тяжелым трудом. Она докажет, что именно в этом корне русского племени вся созидательная и объединительная сила и она проявится с такой упругой энергией, которой вы еще не знаете. И этот срок ближе, чем вы думаете.

Давайте желать нового счастья. Желать страстно, желать и верить в новое счастье, и ковать, и ковать его молотом воли, надежды и любви. И покажется заря его, и оно взойдет, как солнце, и все осветит и всех согреет, и правых, и виноватых.

Вечная память погибшим во имя долга и любви к отечеству и к его замирению. Пусть пролитая кровь оплодотворит ниву мужества русских людей в их борьбе с силами разрушения и мести. И да благословит Господь Бог новые начала мирной и свободной жизни, и да прольет Он на нашу милую Родину обильный дождь Своих великих милостей и тихий, не убивающий, но разряжающий душную атмосферу гром, который вызывает в русском человеке чувство благоговейной молитвы и сознания своих грешных помышлений и дел...

Надо быть русскими

Была Дума весенняя, апрельская, была Дума зимняя, февральская, будет Дума осенняя, ноябрьская. Я думаю, что будет и летняя Дума, августовская, напр. Так по всем временам года будем думу думать и до чего-нибудь, наверно, задумаемся. Я не слишком верую и в будущую Думу. Какая она будет? Кадетская, октябристская, правая, пестрая? Нельзя предугадать. История идет своим чередом, по своим законам, которые пишутся не заранее, а после того, как события совершилось.

Октябристы в Г. думе высказывали свое мнение молчаливым. Может быть, это и красноречие, а может быть, это просто неимение никаких мыслей. Если принять в соображение, что